

Владимир Мощенко

БАКЕНЩИК

В гимнастёрке выцветшей, в пилотке
По Донцу скользил в кромешной тьме
На своей выдавшей виды лодке
С лампою шахтёрской на корме.

Были звёзды скрыты облаками.
И, спиною ощутив озноб,
Брал он вёсла влажными руками.
Но теченью верил – и не грёб.

* * *

*Это гуси, гуси острым клином
Раскололи сердце пополам...*

Светлана Кузнецова

Вода у берега дрожала,
Как будто губы от обиды.
И были к берегу прибиты
Щепа и ветка краснотала.

А лебеди на миг вернулись
И, шеи выгнув, обернулись.
«Ну вспомни, как я их любила.
Однажды мы с тобой проснулись
От этих крыльев. Нас знобило...»
Не так всё было.
Ты забыла.

Они ведь нас не помирили.
Вот потому и закричали.
Взметнулись.
Ангелы печали.
С водою крылья говорили.
С водою крылья говорили.

* * *

Жующие конские морды.
Луну утопивший Донец.
Цыганской гитары аккорды.
Повозки. Полынь. И чабрец.

Горбатая тень на баштане.
Акации приторный яд.
Наверно, сегодня цыгане
Прирезать кого-то хотят.

Что плачешь ты, мальчик-калека,
Лицом зарываясь в траву?
А я уж три четверти века
Той музыкой жуткой живу.

* * *

Вас. Аксёнову

Листопад всея страны.
Слабый дождик в две струны.
И зачем мне эти струны?
Догорела что ли страсть?
Что же, музыке пропасть?
Звуки ржавы и чугуны.

Мне уроки все – не впрок,
Хоть жесток любой урок.
Знает только вор в законе,
Как раздето всё дотла,
Как предательски светла
Ночь в Нагатинском затоне.

И баржа.
И воздух спёрт.
И глотает Южный порт
На бегу звонок трамвая.
Что ни слово – невпопад.
Это мокрый листопад
И щека твоя сырая.

Да не будь настороже:
Дремлет нынче в гараже
Воронок всея державы.
Дремлет старый воронок.
Стар и я.
И одинок.
Буквы ржавы.
Ноты ржавы.

РУБЧАТЫЙ СЛЕД

Внуку Дмитрию

Посоветовать что ли ребёнку:
Отложи, моё солнышко, мяч,
Запиши своё детство на плёнку
И кассету волшебную спрячь.

Видно, верю и я не на шутку
Колдовству святогорских синиц
Так, как верят, найдя незабудку
В книге между линялых страниц.

Ведь однажды такая накатит
По твоей голубятне тоска,
Что и книги старинной не хватит
И её голубого цветка.

И попросишь у жизни впервые
Хоть на миг возвратить наконец
Степь, и кручи ещё меловые,
И ещё обмелевший Донец.

И шуршание велосипеда,
И тропинку, и рубчатый след,
И мультфильмы в коттедже соседа,
И догадку: а смерти-то нет!

Будет старою эта кассета.
И в динамике новых времён
Ты услышишь и сосен, и лета
Голоса: «Это он! Это он!»

А ещё ты услышишь, мой мальчик,
В тишине високосный зенит,
И оранжевый теннисный мячик
На асфальте опять зазвенит.

На асфальте, где были хвоинки,
Постепенно терявшие цвет.
И отыщешь на той же тропинке
Нестираемый рубчатый след.

АРМСТРОНГ

Подносит он к губам трубу.
Сверкает запонка в манжете.
Предугадав свою судьбу,
Не так уж просто жить на свете.

И всё накалено вокруг.
Свистят фанаты оголтело.
Негромкий голос.
Хриплый звук.
И что?
Вот в этом-то и дело?

А рядом саксофона медь –
Соперница, но и подмога.
А ты?
И ты умеешь петь?
Умеешь петь?
Побойся Бога.

* * *

Даже во сне этой жизни перечу я.
Время земное стремится к нулю.
Вот и не зван я на Брачную Вечерю.
Слишком я гусли и трубы люблю.

Сам же просил я блудницу: «Обманывай!»
Думал, что песенка эта нова.
Двадцать второю главой Иоанновой
Заскрежетали судьбы жернова.

Ночи становятся «чёрными вдовами»,
Время – короче, а мысли – длинней.
Топчется лживое слово подковами
Бледных неостановимых коней.

* * *

Кем я был?
Повестушкой короткой,
Тою самой подводною лодкой,
По которой соскучилось дно.
Я был узником всех одиночек,
Ты моих не запомнила строчек.
Отзовусь я тебе всё равно.

И не лгу я, что лиственным словом
Отзовусь в переулке Вишнёвом
И в шиповнике вдруг прошуршу.
Или в поле, меж теми стогами,
Стану я золотыми слогами,
Недоступными карандашу.

* * *

До чего ж облупился наличник!
Стёкла выбиты.
Кухня пуста.
Я люблю этот мир, как язычник,
Обретающий веру в Христа.

На крылечке прогнившем – картонка.
Здесь бутылки – каких только нет!
Там, где прежде висела иконка,
В полумраке колеблется свет.

Я люблю этот мир, где разбито
Не одно лишь в окошке стекло,
Где в примёрзшее к почве корыто
Столько ржавой воды натекло.